

о «влиянии одной литературы на другую; следует говорить о различных фазах единого процесса развития». Таким образом, здесь вырисовывается некая «духовная сфера, которая роднит восточное и балканское славянство».

Затрагивая вопрос о развитии отношений между средневековой Болгарией и Россией вообще, автор подчеркивает «чередование» культурного влияния одной или другой стороны в разные эпохи. Обрисовав в общих чертах болгарскую литературу конца XIV—начала XV в., Пиккио обращает внимание на «плетение словес», получившее распространение в России в XV в. Мне кажется, что как литературное творчество и стиль Евфимия Тырновского и его непосредственных учеников и последователей, так и вообще эти явления в древней русской литературе XV в. должны изучаться в самой тесной связи с литературным развитием Византии в данный период. Из русской литературы XV в. даны сведения о Киприане, Пахомии Логофете и Епифании Премудром. Любопытные суждения высказал автор относительно развития «наследия» Евфимия Тырновского в России и среди балканских славян. Из жития Стефана Пермского даны в переводе некоторые, наиболее интересные места, с помощью которых Пиккио подкрепляет свои суждения. При рассмотрении эпохи «второго южнославянского влияния» в России, на мой взгляд, следовало бы специально подчеркнуть некоторые особенности. Это влияние, в сущности, представляет собой в какой-то мере перенесение поздневизантийских элементов через посредство южных славян. Кроме того, как совершенно правильно подчеркивает Д. С. Лихачев, оно затрагивает не только литературу, но и другие области культуры, например искусство. Наконец, представляется интересным проследить путь проникновения этого южнославянского и византийского влияния: культурные деятели постепенно удаляются от южных балканских областей, находящихся под угрозой завоевания турками, и продвигаются в более безопасные русские земли. В процессе этого продвижения были затронуты (что заслуживает быть отмеченным) также и задунайские, валашские и молдавские земли. Взятое в целом, «второе южнославянское влияние» — очень сложный исторический процесс, который лишь теперь стало возможным понять во всех его подробностях, исходя при этом из правильной постановки вопроса, данной Д. С. Лихачевым. С другой стороны, когда мы встречаемся в русской литературе этого периода с такими явлениями, как например, «излияние слез» или «плач», то такие явления нельзя рассматривать изолированно от характерного для исихазма жанра «плачей» (*threni*), обычного в византийской литературе последнего периода, и вообще от той «слезливости», которая, как заметил И. Хойдинга, свойственна и западноевропейской литературе этого времени.¹⁸

В «Куликовском цикле» Пиккио рассматривает «Задонщину» и Сказание «о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», затем его Житие. В нескольких местах автор останавливается на «Задонщине» как памятнике, который подтверждает подлинность «Слова о полку Игореве». Говоря далее о «притязаниях Москвы» в XV в., Пиккио предлагает, между прочим, так называемое возрождение «православного славянства» в XV в. охарактеризовать как «защиту восточного христианского средневековья от рационалистического ревизионизма латинско-германской Европы и византийского „отступничества“ Иоанна VIII Палеолога» (стр. 166). Так, по его словам, здесь «возрождение принимает конкретную форму возвраще-

¹⁸ См. очень интересные сведения, собранные в книге голландского историка: J. Huizinga. *Le déclin du Moyen âge*. Paris, 1948, стр. 9—38.